

НЕ ТОЛЬКО РОМАНТИКА

Леонид Жуховицкий. «Колькин ключ». Повесть. Журнал «Знамя», № 5, 1982.
Леонид Жуховицкий. «Ночлег в чужой квартире». Повесть. Журнал «Нева», № 5, 1982.

«МОЛОДЕЖНУЮ» прозу 60—70-х годов трудно себе представить без героев Леонида Жуховицкого. Черты его героев — журналистов, геодезистов, строителей, как и черты персонажей В. Амлинского, Р. Ибрагимбекова, «людей Флинта» В. Алексеева, анчаровского Гошки Памфилова и его друзей, составили облик эдакого идеального героя тех лет — молодого, уверенного в себе, бескомпромиссного и удачливого, увлеченного своей работой и аечными мотаниями по командировкам, стройкам, экспедициям. Потом, когда на страницах книг появились совсем иные молодые люди, этому герою остались верны немногие. Л. Жуховицкий — остался.

С тридцатилетним журналистом Георгием Неспановым из романа «Остановиться, оглянуться...» автор простился на привокзальной площади, перед тем как Неспанов отправился в путешествие, о котором мечтал каждый уважающий себя герой тех лет. Отправился, как сказано в другой повести Л. Жуховицкого, «куда глаза глядят, спокойно и непредвзято представляя лицо накатывающим волнам жизни», чтоб просто быть щепкой, всеми видами волоконнами впитывающей воздух эпохи.

Проходит десять лет. Действие новой повести Л. Жуховицкого начинается на перро-

нском маленьком сибирской станции. Из вагона выпрыгивает человек, выглядящий в лучших традициях 60-х — толстый свитер домашней вязки, серый и грязный, а поверх — защитная куртка студенческого стройотряда, выцветшая чуть не до белизны. Но не студент же — лет сорок, небось...

Антонич, главный герой повести «Колькин ключ», — сверстник Неспанова. Вот уж кого действительно носит по стране, как щепку, так это Антонича. Но романтические иллюзии его обтрепались не меньше стройотрядовской куртки: если тридцатилетний Неспанов, чуть рисуясь, говорил: «Моя родина — стройка», — то сорокалетний Антонич считает, что «стройка смотрится в палаточную пору... а посередке все определяет текущая возможность и надобность».

Автор пошел на определенный риск, поставив в центре повести человека без определенных занятий. Но тем надуманнее выглядит оправдание героя, драматическая история авиакатастрофы, после которой летчик Пермиков потерял профессию, потом — семью и дом и превратился в «бича» Антонича, обладателя свободы, о которой так мечталось в молодости.

Годы странствий обучения Пермикова всему, что должен уметь настоящий мужчина, который в тайге с одной спичкой не пропадет. Но в городе Новотайгинске ответственность за него берут на себя двадцатитрехлетняя Раиса и

соседи Антонича по общежитию — совсем мальчишки. Вообще-то романтический герой должен возбуждать в мальчишках зависть... Но Пермикова привлекает их не тем, как отчаянно бравирует он своей тоскливой свободой, и даже не жизненным опытом, а — потерянностью своей.

Герой второй повести Жуховицкого, «Ночлег в чужой квартире», — почти ровесник Пермикова. Но сходства ни малейшего: Борис Андреевич Батышев — уважаемый преподаватель вуза, отец семьи, личность, в жизни давно устоявшаяся: «В сорок пять человеку положено стать равнодушной. Кстати, я не боюсь этого слова. Ровность души — качество совсем не плохое. В молодости человек глуп, ему хочется все переделать немедленно. А с возрастом понимает, что жизни намного его умней, и самое разумное — предоставить ей идти своим ходом, а самому делать только то, в чем уверен».

Но когда Батышев сталкивается в аэропорту с Мариной, почти ровесницей его дочери, когда, узнав, что их рейс отложен до утра, Борис Андреевич и девушка оказываются в пустой квартире Мариной приятельницы и начинается беспорядочный откровенный разговор случайно встретившихся людей, уверенность героя в себе дает трещину. И квартира напоминает ему бедное жилье его молодости, работу по ночам, работу, бывшую «кайфом». И сама ситуация — как из рассказа времен батышевской юности (там часто именно так находили будущих друзей).

Разговор Бориса Андреевича с Мариной кончается вроде бы ничем. Каждый остается при своих проблемах и убеждениях. Но эта случайная встреча заставляет героя усомниться в правильности своей жизни. В сущности, «правильность» эта — такая же иллюзия, как свобода Антонича.

Идя двумя прямо противоположными путями, герои оказались равно далеки от идеалов своей юности. И поэтому оба они пасуют перед юностью чужой. Антонич, сохранивший вроде бы романтическую независимость, оказывается под защитой ребят, в два раза моложе его (хочется отметить, что психологические характеристики этих ребят, возводящих город в тайге, могли быть более развернутыми). Преуспевший в жизни Батышев, встретившись с Мариной, понимает, что «успокоенность» медленно, но верно отнимает у него способность радоваться работе, жизни.

Борису Андреевичу не удается убедить свою случайную попутчицу, что после четырех лет безрассудной, безнадежной любви, составляющей сейчас смысл Мариной жизни, пора успокоиться, зажить разумно и размеренно. Позже он признается себе, что упрямая девочка была права, и позавидует ей. И подумает о том, что «человеческому существу, чтобы вырасти здоровым и жизнеспособным, необходим в молодости не только опыт радости, но и опыт страдания». А попытки избежать его приводят лишь к тому, что вся «пресная, осторожная, мелкая жизнь оказывается страданием в расщепку...». Но даже себе не признается Батышев в том, что его жизнь давно уже делалась «страданием в расщепку», ибо, воспитанный на совсем других идеалах, он не

получает истинного удовлетворения от денег, которых он получает (заслуженно!) все больше, ибо за это он платит свободой поступков. Столкновение с прямой чужой юности — последняя для Бориса Андреевича возможность что-то изменить в своей жизни. Но инерция покоя оказывается сильнее.

Его «неблагополучному» сверстнику автор явно симпатизирует несколько больше. Антонич пытается идти за чужой молодостью, ухватывается за мечту Раисы о доме для всех хороших людей, которым плохо. Мечта наивна, но хочется верить, что этот полусказочный дом будет построен. По крайней мере, для Антонича таким домом уже стало общежитие на стройке. И остается лишь пожалеть, что автор, тщательно проследивая на протяжении всей повести судьбы героев, несколько поспешно завершает повествование дежурным «хеппи эндом».

Зоркость публициста помогала Леониду Жуховицкому в сегодняшних молодых людях заметить многое, не описанное пока прозаиками их поколения, жаль лишь, что в обеих повестях молодым людям отводится роль хранителей идеалов пермяковской и батышевской юности, идеалов, утерянных их главными героями. И хорошо, что рядом с этими молодыми людьми вновь появляется герой шестидесятых. Мы смотрим на два поколения — а видим два времени. И можем их сравнить, извлечь уроки из уже сложившихся судеб и еще раз подумать о судьбе тех, чья юность только начинается.

И. ДЯКОВА